

российский фонд помощи / www.rusfond.ru

Заграничный шанс

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

В Томске завершился десятидневный мастер-класс американских детских кардиологов по программе Heart to Heart («От сердца к сердцу»). Американцы высоко оценивают томских коллег. Вместе они прооперировали девять детей со сложными случаями врожденных пороков сердца. В течение семи лет американцы будут приезжать сюда в соответствии с соглашением, достигнутом благодаря усилиям Российского фонда помощи и его партнера — фонда «Русский дар жизни» (Нью-Йорк, США). Американцы с большим интересом знакомились с нашей работой в Томске. «Здесь вдруг вспоминаешь, зачем пришел в профессию», — сказал мне кардиолог Фрэнк Сетти.

У нас во власти и в обществе уже больше десяти лет не вызывает крайней аллергии мысль о спасении тяжелобольных детей заграничными докторами и филантропами. Особенно тех, кому нечем платить. Эта мысль прижилась в начале 90-х годов и выстояла посреди привычно громких деклараций медицинских чиновников и записных патриотов на тему «сами с усами».

Спасать можно двумя способами: вот так, как в Томске, привозя из других стран врачей вместе с высокими технологиями, и отправляя наших больных на лечение за границу. И хотя полемика типа «отправлять — не отправлять» не утихает, госбюджет ежегодно предусматривает \$2 млн на эти цели. Это хороший знак. Деньги, конечно, не бог весть какие, потому что потребности, если судить даже по почте нашего фонда, куда выше, но прежде-то не было и этого. А так хотя бы десяток-другой детей, которых, по официальному признанию врачей, в РФ уже не спасти, ежегодно получают шанс выжить. Вот это официальное признание, эта честная оценка дорогого стоит, а \$2 млн — лишь мера этой честности. Кто бы спорил, надо развивать свое здравоохранение, модернизировать старые клиники, строить новые — это вскоре даст результаты. Но дети-то умирают сейчас.

Все эти годы действует одна схема: две трети платит государство, а треть — семья больного. Но если у семьи среднероссийский доход, то внести свою треть в размере \$50 тыс. ей все равно не по карману. И если не удалось заручиться официальным признанием невозможности спастись в России или если нет уже времени собирать документы и ждать решения Росздрави РФ, то выход один — пойти с шапкой по кругу.

Я не вижу в этой шапке никакой зазорности ни для несчастной семьи, ни для государства. Я счастлив, что наши читатели того же мнения и охотно поддерживают такие семьи.

Вот две последние счастливые истории. Четырехлетняя Лена Сучильникова с мамой только что вернулась из Германии. У Лены была опухоль мозга, семь курсов химиотерапии в Российской детской клинической больнице не помогли, врачи пришли к выводу о необходимости строго направленной лучевой терапии. У нас таких аппаратов нет, они есть в Германии. „Б“ рассказал о Лениной беде («Помогите Лене», „Б“ от 24 января), и читатели собрали 773 300 руб. И вот опухоль исчезла, а заведующий отделением РДКБ Дмитрий Литвинов уверенно говорит: «Самая сложная теперь Ленина проблема — 40-процентный дефицит веса». Лене ждет полугодовая поддерживающая терапия в РДКБ.

История вторая. 9 мая успешно прооперирована в Германии Даша Клокова из Волгограда (5 лет, тетрада Фалло, четыре неудачные операции в России). По публикации «Операция или жизнь» („Б“ от 31 марта) читатели собрали 2 404 685 руб. Операция длилась десять часов, две недели девочка провела в реанимации, теперь Даша в обычной палате и на днях выезжает домой.

А теперь о ваших майских добрых делах. Две недели назад мы в репортаже из Научного центра рентгенодиагностики («В живых остаются триста», „Б“ от 12 мая) рассказали о двух проблемах онкобольных детей в московском Научном центре рентгенодиагностики: об отсутствии датчика для аппарата УЗИ и оборудования для детской площадки (968,7 тыс. руб.). Удалось собрать 1 460 131 руб. Как заявил заведующий детским отделением Олег Шербенко, на «излишки» будет приобретен еще датчик для аппарата УЗИ.

И вот еще новости.

Оплачены операции по поводу врожденных пороков сердца томичам Соне Бойковой (2 года, 186 600 руб.), Саше Измятинскому (10 лет, 151 196 руб.), Святославу Лодосенко (9 лет, 186 600 руб.), алтайцам Андрею Гусеву (13 лет, 133 600 руб.), Паше Гущину (9 лет, 186 600 руб.), Даше Савельевой (2 года, 186 600 руб.), а также Жене Малахову из Казахстана (3 месяца, 151 196 руб.); операции по поводу сколиоза Андрею Куте (6 лет, 148 512 руб., Иркутская область), Веронике Алексеевой (16 лет, 173 060 руб., Казахстан), Насте Летц (13 лет, 257 640 руб., Томская область), Ольге Потаповой (29 лет, 173 060 руб., Москва), Марине Грининой (32 года, 173 060 руб., Оренбургская область); лечение детского церебрального паралича Ярославу Александрову (8 лет, 162 500 руб., Краснодарский край), Андрею Дерюгину (5 лет, 162 500 руб., Удмуртия), Никите Варачеву (3 года, 271 500 руб., Читинская область), Жене Вертипраховой (3 года, 195 тыс. руб., Свердловская область).

Отправлено 283 300 руб. на реабилитационное лечение Алену Асееву (24 года, черепно-мозговая травма, Москва); 103 800 руб. на бытовую технику и четыре цветочных посылки Чаловым (семье) детей, в том числе шестеро приемных, Воронежская область).

Помогли благотворительный фонд «Русский дар жизни» (Нью-Йорк, США), Виктория от руководителя, фирма БЭСКИТ, Юлия по поручению Анны Львовны (все — Санкт-Петербург), инвестиционная группа «Капиталь», ООО «Телебалт», Герман, Вера Владимировна, e95@..., Вячеслав Владимирович, Денис, Андрей, Владимир от Дениса Константиновича, Игорь, Александр Семенович, Татьяна Николаевна, два Александра, Валерия, Наталья, две Татьяны, Валентин Иванович, Сергей, Станислав, Марк, Айрат, Алла, Алексей от Александра Юрьевича, Мария, Екатерина и Игорь, Татьяна и Денис, Константин, Зинаида Викторовна (все — Москва). Спасибо!

Дом, который построил вы

22 апреля 2005 года „Б“ написал о семье Эрштейнов из Правдинского района Калининградской области. Они снимали двухкомнатный домик и воспитывали троих приемных детей. Спустя год они живут в собственном доме и комнат у них пять. И приемных детей тоже пять. Осенью Эрштейны собираются взять еще двоих. Вот так изменилась их жизнь после той нашей апрельской публикации и вашего, дорогие друзья, участия. Дом куплен на ваши деньги. По договору купли-продажи дети стали его владельцами.

Этой осенью в семье Александра и Людмилы Эрштейнов будет уже семь приемных детей

Пятеро маленьких детей — это что-то. В первые минуты они еще будут вас стесняться и прятаться за дверным косяком, только мордочки выглядывают одна над другой. А потом они возьмут вас в плотное коль-

цо, и мало вам этого не покажется. Саша расскажет стишок, Леша изобразит зайца и еще ка-

Лучший подарок для девочки

Тане Безъязыковой нужен костный мозг

Девочке 15 месяцев. 8 из них девочка лежит в больнице. У нее лейкоз. Два курса химиотерапии не помогли, и теперь нужна пересадка костного мозга. Старшая сестренка не подошла Танечке в доноры, и нужно теперь искать неродственного донора за границей за €15 тыс. Папа у Танечки — безработный токарь, мама — студентка. Живут в поселке Тальники Иркутской области. 90 верст по тайге до ближайшего города.

Мы играем вот в какую игру. У Танечки есть пластмассовая собака. Такая разборная собака, что можно отцепить нос, уши, лапы, хвост. И само собачье тело можно разобрать на несколько частей. Я сижу на полу в палате онкогематологического отделения Российской детской клинической больницы, а Танечка сидит передо мной на кровати, и мы играем.

Под ключницей у Танечки стоит катетер, соединенный длинной пластиковой трубкой с капельницей. Когда девочка поднимается и пытается подойти к окну, мама ловит ее и говорит: — Стой! Поводок короткий!

От того, что поводок короткий, девочке можно играть только сидя на кровати, а я должен сидеть на полу напротив. И мы играем.

Танечкина мама, улыбаясь 25-летняя женщина по имени Валентина, рассказывает тем временем, что ездила сдавать сессию в Улан-Удэ. И оттуда однажды позвонила мужу, а муж сказал, что Танечка играла на полу, упала и слегка ударилась затылком. Полу-чилась шишка на затылке. Шишка на врачебном языке называется гематома, и пришлось носить девочку в травмпункт, чтобы вскрыть гематому. Валентина говорит, что вернулась через несколько дней и увидела эту гематому. Она была в полтолова.

Валентина рассказывает, а мы с Танечкой играем. Девочке не нравится собирать собаку и разбирать собаку тоже не нравится. Ей нравится дарить мне куски пластмассовой собаки. Девочка протривает мне собачий нос и говорит:

— На! — и улыбается, когда я принимаю подарок.

А Валентина рассказывает тем временем, как девочка ее вся покрывалась синяками с ног до головы от малейшего прикосновения. Как у девочки была температура 41,6. Как девочка лежала в реанимации, и маму в реанимацию не пускали. Как в Иркутске им поставили диагноз иммунодефицит и велели лететь в Москву, а билет стоит 10 тыс. руб.

Пока Валентина рассказывает, Танечка дарит мне собачий хвост, собачьи лапы, собачьи уши и всякий рад радуется, что

Папа у Танечки — безработный токарь, мама — студентка. Безъязыковы живут в поселке Тальники Иркутской области. 90 верст по тайге до ближайшего города ФОТО ЮРИЯ МАРТЬЯНОВА

я с благодарностью принимаю подарки. Девочка передарила мне уже целую собаку по кускам, пока ее мама рассказывает, как ни одна государственная собака не дала им 10 тыс. руб. на самолет до Москвы.

В Москве им поставили диагноз рак крови.

— Я до сих пор не верю, — говорит Валентина. — До сих пор такое, знаете, состояние шока и неверия.

Я слушаю и потихоньку подсовываю Танечке подаренную собаку обратно. Чтобы девочка снова могла дарить мне собаку по кускам, раз уж ей так нравится всем все дарить. Раз уж у нее нет ничего, кроме пластмассовой собаки.

— Мы молодая семья, — говорит Валентина. — Нам нечего продать. У нас нет ни дома, ни машины. А поиск донора стоит €15 тыс., лекарство АТГ стоит 4 тыс., лекарство кансидас стоит 12,5 тыс. Доктор говорит, что обязательно нужна трансплантация.

Я сижу на полу перед Танечкой и по четвертому разу получаю в подарок одну и ту же собаку. Полчаса назад доктор в ординаторской рассказывал мне, что, если после двух курсов интенсивной химиотерапии в костном мозге остаются еще раковые клетки, значит, уже точно на миллион процентов химией ребенка не вылечили. Доктор рассказывал, что, действительно,

нужна трансплантация, но принять решение о неродственной трансплантации очень трудно — шансов пятьдесят на пятьдесят. Тридцать процентов детей после неродственной трансплантации умирают по разным причинам в течение первого года после операции. Еще у двадцати процентов детей лейкоз рецидивировал, возвращается.

Я поправляю смешной маленький белый носок, сползший с Танечкиной ноги, и думаю: «Господи! Посмотри на нее!»

А девочка тыкает меня в ладонь и говорит:

— На!

И сует мне в подарок желтый пластмассовый собачий нос.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Для спасения Тани Безъязыковой не хватает еще 755 134 руб.

Вот что рассказывает заведующий отделением Российской детской клинической больницы (РДКБ) Михаил Масчан: «Таня у нас уже четыре месяца. У нее острый миелобластный лейкоз, причем недифференцированный вариант. Без трансплантации костного мозга она обречена. А вот с трансплантацией у нее хорошие шансы полностью вылечиться и вырасти полноценным человеком».

В РДКБ с 90-х годов делают такие пересадки костного моз-

га, в последние три года до 45 операций в год. По эдешней статистике, хорошие шансы — это когда 50 на 50.

Сама процедура для семьи Безъязыковых ничего не стоит, для российских граждан она бесплатна. А вот затраты на поиск, забор и доставку неродственного костного мозга госбюджет не оплачивает. Тане срочно требуется как раз неродственный донор, потому что никто из родных ей не подошел.

В РДКБ с 90-х годов делают такие пересадки костного моз-

ропейском банке (в Германии), поиск, забор и доставка обходятся в €15 тыс. Кроме этого, для трансплантации также потребуются реактивы и расходные материалы на 208 тыс. руб. и 20 ампул противогрибкового препарата кансидас на общую сумму 337 345 руб.

Таким образом, чтобы спасти Таню, необходимы 1 065 491 руб. Как обычно, наш постоянный партнер компания «Ингосстрах» внесет \$11 500 (подробности на сайте www.rusfond.ru). То есть

не хватает еще 755 134 руб.

Пусть вас не смущает эта сумма. Безъязыковы, врачи РДКБ и фонд с благодарностью примут помощь любого размера. Мы открыли Таниной маме Валентине Безъязыковой счет в Сбербанке. Эти реквизиты, а также реквизиты для желающих отправить помощь напрямую в Германию или российским поставщикам можно получить в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Денис Авдеев, 5 лет, органическое поражение нервной системы, требуется курсовое лечение. 130 тыс. руб.

Огромное спасибо за слуховые аппараты для Дениски. Ходит в них, уже привык к звукам, которых никогда не слышал. Это чудо, что есть в России такие люди, как вы. Мы не теряем надежды на лучшие времена. Муж инженер, ищет работу, а я все еще с Денисом. Длительный наркоз во время операции на сердце повлиял не только на слух малыша. Пострадала центральная нервная система, появились приступы эпилепсии. Сынишка очень путается припадков, его безумно жалит. В Институте медтехнологий нам объяснили, что задержка развития вызвана нарушением мозгового кровообращения. Здесь берутся устранить эти проблемы и снять эпилепсию. Два курса мы сумели оплатить. Гиперактивный Денис стал управляемым, играет сам, что-то придумывает. У малыша появился шанс вернуться в ряды обычных детей, но лечение нельзя прерывать или откладывать. Денис растет, мозг теряет пластичность. А наши финансовые возможности исчерпаны. *Мария Авдеева, Москва*

Заместитель директора Института медтехнологий Ольга Рымарева: «Денис перспективный. Развиваются навыки движения, он понимает речь, вступает в контакт, его речь стала сложнее. Мы рекомендуем Авдеевым еще четыре курса».

Катя Стулева, 14 лет, грудной сколиоз 4-й степени с противоскривлением, нужна срочная операция. 173 060 руб.

Вниманию! Русь-банк внес 75 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 98 060 руб.

Просить — занятие неприятное, но, надеюсь, меня поймут и не осудят. Моей старшей дочери Кате нужна дорогостоящая операция. Летом девочке будет 15, и врачи говорят, что именно сейчас надо успеть ее прооперировать. Катя отличница, скромная, домашняя. Любимый аккордеон ей врачи запретили. Занимается в кружке репортеров, страшно стесняется своей внешности: худенькая, и кривизна спины уже заметна. Сколиоз быстро прогрессирует. Одна нога уже на 1,5 см короче другой, бедро ушло в сторону. Исправить можно только оперативным путем, и еще не все потеряно, но имплантат мне не оплатить. Живем скромно, я бетонщик, строю мост через Ангару, жена в феврале родила вторую дочку, так что не работает. Живем в малогабаритке. Очень прошу, помогите! Врачи говорят, мы вовремя хватились, сколиоз не запущенный. Вдвойне обидно, если упустим время. *Виктор Стулев, Иркутская область*

Заведующий отделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «У Кати грубый сколиоз с выраженным реберным горбом. Ее отец прав, еще можно вернуть спине прямоту при помощи имплантата, другим способом девочке не помочь».

Евгений Шубин, 22 года, инвалид 1-й группы, парализован, требуется лечение и подъемник. 138 312 руб.

Три года назад мой сын Женя нырнул в озеро — и не выплыл. Перелом шейного позвонка. Сразу отказали ноги, а на другой день он стал задыхаться. После вытязки скелета дыхание восстановилось, а спинной мозг повредили. Женя был полностью обездвижен. Соцзащита дважды отправляла его в Саки. После курсов физиотерапии, массажа и грязелечения восстановилась чувствительность в руках и ногах. Сын шевелит пальцами левой ноги, держит в левой руке ложку. Врачи говорят, прекращать лечение нельзя, а бесплатных пуговек нет, с прошлого года еще 20 инвалидов ждут своей очереди. Женя стесняется своей беспомощности, лишь меня к себе подпускает. Я ушла с работы, ухаживаю за ним. С мужем в разводе, мы ему неинтересны. Женя учился на программиста, я работала техником связи, теперь живем на его пенсию. Путевка на 45 дней с сопровождающим стоит 108 тыс. руб. И очень нужен подъемник. В ванну Женю я кое-как опускаю, а вытащить зову соседей. Подъемники бесплатно не дают. *Ирина Шубина, Московская область*

Заведующая поликлиникой Люберецкой больницы № 1 Лидия Шефова: «Лечение в санатории благотворно для Евгения физически и эмоционально. Но обеспечить ежегодно его путевкой соцзащита не может. Пожалуйста, помогите парню».

Аня Римская, 7 лет, врожденный порок сердца, необходима эндovasкулярная операция. 186 600 руб.

Вниманию! Фонд «Русский дар жизни» внес \$2,5 тыс. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 119 100 руб.

Анечка — моя единственная радость, добрая и ласковая. Мамои-одиночкой быть нелегко, но я ни о чем не жалею. Бытовые трудности можно пережить, но вот беда, с которой мне не справиться: у Ани порок сердца. Мне об этом сообщили, когда дочке было три месяца. Так и живу в постоянном страхе. Дважды в год обследуемся в кардиоцентре. Там предложили оформить инвалидность, но ВТЭК почему-то отказал. Аня очень общительна, но любая физическая нагрузка оборачивается одышкой и болью в груди. До этого года ее состояние признавали удовлетворительным, но в январе сказали, что порок увеличился до 7 мм, и предложили операцию без вскрытия груди и тяжелого наркоза. Из-за частых простуд дочери у меня нет постоянной работы. На стройке маляром получаю не больше 4 тыс. руб. Живем вдвоем в общежитии, продать нечего. Помогите! *Светлана Римская, Томская область*

Ведущий специалист НИИ кардиологии ТНЦ СО РАМН Сергей Иванов: «У Ани аневризма и дефект межпредсердной перегородки. Перегородка истончена, выпячена в полость правого предсердия. Операцию нельзя откладывать. Зато потом Аня быстро поправится и сможет заниматься спортом».

Николай Браковенко, 40 лет, четверо детей, нужна кухонная мебель, быттехника, стройматериалы и одежда. 83 607 руб.

Здравствуйте, незнакомого друзья! Я слышал, вы помогаете многодетным семьям. Вот и у нас четыре дочки: Насте 15, Светлане 12, близнецам Тане и Кате по 8 лет. Живем от зарплат до зарплат. Я сварщик теплотехник получаю до 7 тыс. руб., а Майя — школьная учительница за 2 тыс. руб. Сюда мы приехали из Приднестровья, бежали от войны. Долго жили в общежитии и мечтали о собственном жилье. Наконец решились купить квартиру через ипотеку. Выплачивать кредит 26 лет. Но квартира есть, а жить в ней нельзя: ни линолеума, ни дверей, ни мебели. Может, не зазорно попросить вас помочь купить кухонную мебель (спать и на полу можно, а есть на полу не станешь), линолеум, двери и стиралку с холодильником? Девочки мои растут, а нарядами их побаловать не могу. Да что наряды, теплые вещи нужны. Буду рад, если кто пришлет одежду/уля девочке, размеры прилагаю. *Николай Браковенко, Брянская область*

Специалист райцентра соцобслуживания Юлия Дерюгина: «Семья очень хорошая, отец в дочках души не чает. Долгие годы они скитались по чужим углам и общежитиям. Вот и решились на ипотеку. Помогите им, пожалуйста!»

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчетных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Б“ и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затае понравилась: всего собрано свыше \$10,7 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянновская» (Кузбасс), 57 семьям горевших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в Московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат Национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; **www.rusfond.ru; e-mail:** rfp@kommersant.ru. **Телефоны:** (495) 943-91-35, 158-69-04 с 11.00 до 21.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

— Может быть, ты лучше станешь директором школы?! Ты же мне это вчера обещал! — негодует и смеется одновременно отец.

— Теперь мы хотим взять еще двоих. С таким домом, как у нас, мы это можем. И самое главное, хотим. Спасибо всем вашим читателям, кто помог нам, — говорит Людмила Эрштейн. — Это фантастически добрые люди!

Оказываются, пятеро маленьких детей и их мама очень легко помещаются на заднем сиденье «Оки». Мы едем смотреть, как большой бело-синий самолет полетит из Калининграда в Москву. Потом Эрштейны поедут фотографироваться на фоне поля ярко-желтого рапса, потом заниматься неотложными делами по дому. Потом... Их жизнь полна смысла и надежды на лучшее. Благодаря вам.

АНДРЕЙ КОЗЕНКО

Домовитый Леша гладит во дворе по крылу папину «Оку» и интересуется, не пропадет ли машина из-за того, что на нее все время капает дождь. А Таня с разбега бросается к папе и звучно чмокает его в щеку. Еще полгода назад девочка кочевала по соседям своей мамы в уверенно спивающейся деревне Домново. Суд лишил маму родительских прав, и она не очень расстроилась.

— Саша, кем ты будешь, когда вырастешь? — задает специально для „Б“ традиционный вопрос всех родителей папа Александр.

— Миллионером, — отвечает Саша, но так неуверенно, что становится понятно, он еще подумает на эту тему.

— А ты, Леша? — спрашивает папа Александр.

— А я когда вырасту, буду бегать от Сашки! — заявляет крайне довольный собой Леша.

Старшие дети поначалу ужасно ревновали к новеньким. Но Людмила быстро им все объяснила: «Мы же вот заботимся о вас. Вот и вы должны точно так же заботиться о маленьких». И вопросов больше не было.